

Читайте романы Татьяны Веденской:

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты
Спагетти, или Сюрприз для любимого
Игры, или Думаешь, это любовь?
Harry End, или Измена в рамках приличий
Путаница, или Любимый мотив Мендельсона
Неотразимая, или Основы женского шарма
 Не торопи любовь
Экстрим, или Девушка с амбициями
Дикарь, или Я всё равно тебя найду
Ройбуш, или Маленькая женщина
Отпад, или Свадьба моего мужа
Иллюзион, или История одного развода
Фифа, или Счастья тебе, дорогуша!
Спонсор, или Муж объелся груш
Ежики, или Мужчины как дети
Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!
Ягодка, или Пилюли от бабьей дури
Stop! Это мужской мир, подруга!
Алиса, или Зеленый подъезд
 Виртуальные связи
Квартирный вопрос, или Байки черного маклера
 Плохие девочки
Гений, или Истории любви
 Содержанки
 Рыцарь нашего времени
 Пепельный блондин
 Загадай желание
 Обыкновенный волшебник
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослых женщин
Фокус-покус, или Волшебников не бывает
 Как женить слона
 Девушка без имени
 Такая глупая любовь
 Все дело в платье
 Апрельский кот
Кот, который гуляет со мной
Личная жизнь женщины-кошки
Вторая половина Королевы
 О рыцарях и лжецах
 Ключ к сердцу Майи

В Татьяна
Веденская

Моя
навсегда

Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта

роман

Москва 2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Дизайн серии *С. Прохоровой*

Художественное оформление *Н. Кудри*

Веденская, Татьяна.
В26 **Моя навсегда / Татьяна Веденская.** — Москва :
Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099271-3

«Моя навсегда» — новый роман Татьяны Веденской, в котором совмещены захватывающе острый сюжет и взрывная история любви на грани фола. Книга увлекает с первого слова и держит в напряжении до самого конца, предсказать который невозможно. Повороты сюжета станут неожиданными и затронут самые провокационные вопросы отношений. Главная героиня романа «Моя навсегда» — студентка Соня, юная, но весьма умная, наблюдательная девушка, мечтающая пробиться в жизни. Большая любовь станет для Сони настоящим испытанием, через которое она сможет ответить на вопрос, что же самое главное лично для нее. Тема жизненного успеха и настоящего счастья во многом в романе противопоставляются. «Люди — самое главное, что есть в этом мире, и, разбрасываясь ими, ты сам себя развеиваешь в пыль» — цитата, отражающая основную идею книги.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099271-3

© Саенко Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

*Особая благодарность
Катюше Шуршаловой
за три недели драйва, за футбол
и за море разговоров,
в ходе которых мы, кажется,
наконец разобрались в себе.
Или наоборот.*

В каждом сердце скрыта слабость,
а ты боишься признать свою.

Синий экзорцист (аниме)

Собственное бессилие так же
опасно, как чужое насилие.

Станислав Ежи Лец

*Все описанное ниже является фантазией
автора, а также его мнением о жизни,
людях и всем остальном, включая отношения,
ошибки и красное полусухое.*

*Мнение читателя может как совпасть,
так и не совпасть с мнением автора.
К примеру, читатель может предпочитать
белое сухое...*

Я бежала изо всех сил, бежала, как никогда в жизни, и, несмотря на то что умом понимала, что мне все равно не убежать, никаких шансов, инстинкт гнал меня вперед, подталкивал в спину, разгонял мышцы до спазма. Позади себя я слышала тяжелое дыхание. Мой преследователь не кричал, не делал лишних движений, он экономил силы. Раньше я не знала, что мое тело способно разогнаться до таких скоростей, не было необходимости дойти до предела и прыгнуть, задыхаясь, дальше — за него.

Fight or Flight Response. Биться или бежать. Человечество возродилось из пепла эволюции, выиграло в тотальной смертельной битве всего со всем благодаря этому механизму выживания. Тело умнее разума, тело принимает решение раньше, чем успеваешь его осознать и согласиться с ним — или не согласиться. Зрачки расширяются, адреналин в крови обостряет реакции, ускоряет процесс обсчета и анализа данных. Биться или бежать? На принятие решения — буквально доли секунды. От правильности этого шага зависит, возможно, вся дальнейшая жизнь. Решение принимается интуитивно, без участия разума — на обдумывание, на высшую нервную деятельность нет времени. Влияют жизненный опыт, знание собственных возможностей, история предыдущих столкновений, предварительный прогноз обоих вариантов развития событий, перспективы

8 Татьяна Веденская

и возможные риски, рост, вес противника, его физическая форма, его настроение — определить которое можно по выражению лица, по напряжению мускулов, по звуку голоса. Реже — по смыслу сказанного. По сжатым кулакам и зубам. Важны даже температура воздуха, время года, дополнительные факторы — местоположение, удаленность от города, близость помощи. Все будет учтено, на все уйдет только один вдох, доля секунды.

Бежать. Тело приняло решение бежать, и я присела, дернулась в сторону, прошмыгнула под тянувшейся ко мне рукой, мимо перекошенного от ярости лица. Неправильное решение, ошибка. Первая ошибка — убежать от мужчины, превосходящего тебя во всем. Выше, дальше, сильнее. Рост, вес, физическая подготовка. Даже обувь. У меня — дачные кроксы, у него — тяжелые кроссовки с рифленой подошвой. Ошибка номер два — направление. Я не выбирала его, побежала не куда-то, а прочь — от моего противника. Домик стоял почти в конце улицы, и я устремилась туда, где, как я надеялась, мне будет легче спрятаться. Бежать в лес, подальше от засыпающих дач, в густую вязкую темноту было равносильно тому, чтобы саму себя затащить в темный подвал и отдаться в руки преследователя. Но изменить я уже ничего не могла.

Расстояние сокращалось. Легкие разрывало от лишней крови, которую сердце в панике разгоняло по венам. Щеки горели, я хрипела и кашляла и каждую секунду боялась упасть. Координация — мое слабое место. Я не тренировалась, я вообще не слишком спортивна, хотя и пыталась с некоторой периодичностью как бы заняться собой. Как бы начать ходить в бассейн, как бы записаться на йогу, как бы начать бегать по утрам.

Вечер. Поздно и темно, дачное товарищество уже спит, за исключением кого-то вдаль, на другом конце поселка — там веселятся и горланят песни, голоса слышны как сквозь вату. Закричать? Услышат? У меня не хватает дыхания на крик, я вся сконцентрирована в кончиках ступней, бегу по тропинке, перепрыгивая корни деревьев, в ушах пульсирует. Заколдованный лес, спаси меня! Враг мой, защити меня от него, подставь ему подножку, надавай ему пощечин еловыми ветками, останови!

Мой враг приехал неожиданно, без предупреждения, приехал, чтобы поймать меня с поличным. Когда дверь открылась, я сразу поняла, что человек уже обернулся волком и теперь жаждет крови. Бессмысленно теперь искать аргументы и взывать к здравому смыслу. Я никогда не знала, какое событие превратит его в чудовище и в какой момент, но хорошо знала, что рано или поздно это обязательно произойдет. Нельзя победить, если играть в игру, правил которой не знаешь. К людям не прилагается инструкция, нет даже описания, но и выйти из игры совсем не так просто. Насколько хрупка человеческая жизнь? Грань в один шаг, в один вдох, в один удар сердца.

— Стой, тварь, — услышала я близко, почти рядом, куда ближе, чем я надеялась.

Его рука скользнула по моей футболке. Я взвизгнула и заорала из последних сил. Станный пронзительный визг, так, наверное, и рождаются легенды про крик чу-пакабры. Я дернулась всем телом, изогнулась и рванула вперед с утроенной силой. Я и не представляла себе, что мои силы еще могут утроиться.

Не помогло. Еще три шага — и враг наскочил на меня всем телом, повалил на землю, прижал лицом к крючковатым корням, перерывшим землю. Я судорожно вдохнула запах земли и листьев: вкусно пахло ночной

10 Татьяна Веденская

влагой и немного черникой. Я пыталась оттолкнуться от земли ладонями, толкала тело вверх даже не для того, чтобы избавиться от поймавшего меня в силки хищника, но чтобы заполнить легкие воздухом. Дышать, хотя бы дай мне дышать!

— Думала убежать? От меня убежать? Совсем не соображаешь, да? Думала, можно натворить дел и убежать? — продолжал повторять он с каким-то нехорошим удовлетворением.

Затем он приподнялся, продолжая сидеть верхом на мне. Я затихла и просто дышала — роскошь, которой мне оставалось наслаждаться так недолго. Он тоже дышал и молчал, думал, что делать дальше. В тот момент он наверняка пытался просчитать, какова вероятность того, что меня — мой дурацкий крик чупакабры — кто-то услышал и придет мне на помощь.

Лес тихо поскрипывал высокими, в небо, соснами. Хороший воздух тут был, очень хороший. Не каждый дачный поселок может похвастать такими соснами. Места сухие, но не слишком. Грибов полно, и не каких-нибудь сыроежек или там лисичек, которые я, впрочем, тоже люблю. Белых грибов, подберезовиков, подосиновиков, козлят, маслят, вкусных ароматных польских грибов...

— Помогите! — заорала я, дернувшись в сторону.

Ошибка номер три. Никогда не зли человека, который прижимает твои плечи к земле. Звук получился слабым, неудачным, невыразительным. Даже если кто-то меня услышит, он вряд ли воспримет такой писк всерьез. Кроме моего врага.

— Заткнись, тварь! — прорычал он.

В его голосе не осталось жалости, никакой надежды на помилование; только кристально чистая ненависть, первобытное зло, неуправляемая ярость. Злейший враг, когда-то ты любил меня, а я любила тебя. Когда-то ты

был ответом на все мои молитвы, когда-то я ждала твоих звонков, мечтала оказаться с тобой наедине, держала в кошельке твою фотографию.

— Пожалуйста, пожалуйста, не надо, — прошептала я, и слезы, прорываясь, изломали и исказили мой голос.

Я всхлипывала и шмыгала, начала непроизвольно дрожать.

— Теперь ты, значит, вспомнила слово «пожалуйста», — недобро усмехнулся он. — Чего ты хочешь? Чтобы я простил тебя и помиловал? Ты недостойна этого, ты недостойна прощения, понимаешь? Чего ты от меня хочешь?

— Ничего я не хочу, — пробормотала я жалобно. — Ничего, ничего я не хочу.

— Вот это ты врешь. Ты лгунья, моя Софи. Ну почему ты никогда не говоришь правды? Ты же понимаешь, что меня довела? А? — он крикнул и встряхнул меня, как тряпичную куклу. Я ударилась головой о корягу. — Посмотри на меня, моя дорогая, до чего ты меня довела! И теперь ты говоришь «пожалуйста»?

Тон изменился, он заговорил громче, визгливее, истеричнее. Глаза в темноте горели огнем.

— Я ничего не сделала, — ответила я, с тоской оглядываясь по сторонам.

Помощь не придет. Никто не придет. Я совершенно одна. Нет, не одна: с ним, с человеком, которого когда-то любила, который стал моим злейшим врагом. Если бы я была одна!

— Ты? Ничего? Не? Сделала?

Он буквально выплюнул каждое слово мне в лицо, и вдруг щеку мне обожгла пощечина. Когда-то он находил способ объяснить мне, почему я сама во всем виновата, откуда берется его взрывоопасная ярость. Он мог кричать мне в лицо и меня же обвинять в этом, и когда-то я даже верила, что он прав. Если человека долго

12 Татьяна Веденская

наказывать за что-то без причин, рано или поздно он признает, что это заслужил. Защитный механизм, обернувшийся против тебя. Аутоиммунный ответ, как при системной красной волчанке. Я верила, я стеснялась, я искала выход, но больше всего я боялась — столько страха, не передать словами. Страх, который замораживает, мешает действовать и чувствовать, делает мир серым, словно посыпанным пеплом от пожара. Этот страх менял меня, обесценивал, низводил до пустоты. Собственно, поэтому-то я и ушла. Я не хотела так жить.

Нет, не так. Я просто хотела жить.

— Я ничего не сделала, и, если хочешь знать, мне вовсе не нужно твое прощение, я просто хочу, чтобы ты ушел. Навсегда! — выкрикнула я, наплевав на последствия.

Ошибка номер четыре. Никогда не стоит говорить правду. Правда — как соляная кислота, она разъедает металл, она уродует людей и превращает их в монстров. Мой враг застыл, темный контур его лица навис над мной, четко отчерченный лунным светом. Над соснами и выше, выше, еще выше виднелось темное, сияющее бархатное августовское небо. Я вдруг увидела все сразу: бездонную синеву и два облака в отдалении. Одно — ближе к полной луне, подсвеченное и похожее на овечью голову, второе — левее, почти у кромки леса, вытянутое, рваное, напоминающее неудачно растекшееся тесто для блинов.

— Конечно, дорогая, я знаю, чего ты хочешь, — почти нежно ответил он. И добавил: — И что ты такое, я тоже знаю.

Спокойствие его тона меня не обмануло. Я рванулась, пытаясь скинуть врага с себя — тщетные попытки спасти. Даже попав в капкан, будешь дергаться

и пытаться вырваться. Даже под водой попытаешься дышать. Инстинкт. Его руки сомкнулись вокруг моей шеи. Ладони были горячими и липкими, по лицу моего врага, когда он душил меня, стекал пот. Я подумала с удивлением: это не может быть всерьез! Невозможно, просто немыслимо, чтобы он сейчас меня убил. Задушил. Это просто смешно! Но нет, его пальцы — как камень, как цемент, и, как я ни пытаюсь, мне не удастся сдвинуть их даже на миллиметр. Воздух: двадцать процентов кислорода, семьдесят восемь процентов азота и еще всякого по мелочи — углекислый газ, аргон, гелий, криптон. Такая привычная и незаметная роскошь — дышать. Право, данное каждому, рожденному на планете Земля, отнятое у меня врагом. Я сопротивляюсь, пока могу, но силы покидают меня, я отвожу взгляд в небо, туда, к облакам и звездам. Что случилось с моей жизнью, где я ошиблась, что сделала не так и как попала в этот тупик, в этот лес, полный такого чистого и такого недоступного мне воздуха?

Обратный отсчет.
За 2274 дня до этого

Глава 1

*Все мужчины без ума
от истеричек*

Нотом он спорил со мной и говорил, что мы уже были знакомы, что тот день никак не мог быть днем номер один, но я, хоть убей, не могла вспомнить ни единого раза, чтобы мы встретились до этого. Каким бы странным это ни кажется, иногда можно разминуться и в кухонном коридоре. Может быть, мы ходили с ним по параллельным вселенным, которые просто не пересекались, так и струились одна через другую. Так или иначе, я отчетливо помню, что впервые я увидела его на кухне. Он сидел на самом краешке старенького облупленного табурета, поставив локти на кухонный стол и спрятав лицо в ладонях. Он в серой спортивной футболке и шортах, и он несчастен. Он уверен, что в квартире никого нет.

Так же, как и я. Иначе бы я не стала выходить из комнаты.

Тогда-то мы впервые и встретились. Был конец мая, тридцатое число, пятница. Он услышал мои шаги и вздрогнул и вынырнул из своего совсем еще свежего, новорожденного горя, глубоко и жадно вдохнул, поднял на меня взгляд. Я помню его глаза в тот момент — об-

веденные темными кругами, словно он не спал три дня, темно-серые, как грозовые облака, глаза. Он смотрел на меня озадаченно, не понимая, кто я такая и откуда взялась тут, в их с Ларисой коридоре. Потом он вспомнил, кивнул и спросил сухо, если не грубо:

— Ты София, что ли? Почему ты здесь? Разве ты не должна была уже уехать?

— Я собиралась... завтра, — пробормотала я и добавила, помедлив: — А что случилось?

Я совершенно точно знала, что именно случилось.

— Все слышала, значит? — нахмурился он.

Мое сердце застучало, а взгляд забегал по кухне, как у загнанного зайца. Конечно, я все слышала. Думаю, все соседи на этаже слышали. Я сидела в комнате, вздрагивая от каждого крика, ждала, пока кончится шторм и перестанут хлопать двери. Я слышала, как кричала Лариса — кричала на него, обвиняя его во всем сразу. Она кричала: «С тобой совершенно невозможно!», и «Тебе никогда не было интересно, что со мной происходит!», и еще «Ты должен мне верить!» Он же почти не отвечал, только в ответ на это «верить» расхохотался — фальшиво и преувеличенно громко. Лариса кричала, громче и громче от минуты к минуте, что он сам во всем виноват. Неправда, он ни в чем не был виноват. Лариса ему изменила.

Изменяла ему на протяжении последних четырех месяцев, примерно с февраля. Она изменяла ему и тогда, когда они подали заявление в загс. Чуть ли не в тот же самый день.

— Я ничего не слышала, я только что пришла, — соврала я.

Он посмотрел на меня пристально, взгляд — детектор лжи. Затем покачал головой:

— Это неважно. Мне плевать. — И он потер лицо, будто после долгих часов у экрана компьютера.